

Все приходит вовремя к тому, кто умеет ждать

Слава Зайцев в поисках максимального воплощения

Независимая газета. — 1998. — 14 февр. — с. 10

Зоя Ященко

ГОВОРЯТ, все удачливые люди верят в судьбу. А как вы?

— Была у меня такая неожиданная встреча. В Венгрии снимался фильм «Держись за облака», я делал к нему костюмы. В перерыве между съемками мы вышли из павильона на площадь. К нам подошла цыганка и сказала по-венгерски: «Передайте этому молодому человеку, что до 50-ти лет он будет жить в нищете. Но в 50 лет произойдет событие, которое сделает его всемирно известным. Он будет очень богат, но у него никогда не будет денег, потому что он всегда будет отдавать их другим». Я поверил ей, но не сделал из этого предсказания культа, не ждал этих 50 лет. Я жил и работал. И когда меня в 1988 году пригласили в Париж и я представил там свою коллекцию на показе «от кутюр», вместе с мадам Карвен, произошел тот самый предсказанный перелом. Именно в пятьдесят лет. Это был первый огромный успех, после чего я получил золотую медаль «Почетного гражданина Парижа», а через год был признан «Человеком года моды мира». И меня действительно узнал мир.

— Вы достигли всего, чего может хотеть человек в материальном мире, или у вас есть какие-то нереализованные желания?

— Вопрос не очень глубокий. В каком пла-

н? По поводу достижения всего. Мне кажется, человек всю жизнь стремится к совершенству и жив только до тех пор, пока в нем живет желание достичь чего-то большего. Если этого нет, жизнь затухает. Поэтому мой девиз — горение. А раз гореть, значит, постоянно искать источник, который мог в тебе всколыхнуть это пламя. Чего я хочу? Максимального воплощения! Я еще не реализован...

— В чем же источник вашей энергии? Откуда вы ее черпаете?

— Могу рассказать вам одну реальную историю о моих взаимоотношениях с Источником Энергии.

Один индийский махараджа, будучи в Москве, пригласил меня погостить в Индии и попутно показать там свою коллекцию. Меня поместили в великолепный отель, я был один в номере, а за стеной поселились две знакомые девушки. Я лег спать и оставил на ночь легкий свет. Я бо-

юсь темноты и всегда в чужих местах оставляю зажженным ночник, потому что постоянно ощущаю присутствие каких-то сущностей из соседних миров. Около пяти утра я проснулся от тяжести на груди. Медленно открываю глаза и вдруг натыкаюсь взглядом на другие глаза, которые на меня смотрят. На мне сидит огромная крыса. Я так испугался! А она увидела мой испуг, медленно повернулась и исчезла. Я, конечно, в судорогах вскочил, стал бегать по углам, но ее нигде не было. Утром я рассказал об этом своим знакомым. Они были в ужасе и на следующую ночь решили не гасить свет и спать на одной кровати. Во сне одна девушка задела другую рукой, та стала орать, подумала, что это крысиное нашествие. Был такой комический случай.

Я ничего не говорил махарадже. Мы поехали по другим городам Индии, и однажды в какой-то гостинице я снова проснулся около пяти утра от райской музыки. Я подумал, что это звонит телефон. Но телефона у меня в номере не было. Музыка звучала просто сказочная, божественная! Я повел себя как-то очень нерешительно, подумал, что это опять какая-то хренотень из мира звезд, и снова провалился в сон. И попадаю в рай. Какой-то белый, совершенно удивительный сад, люди в белах одеждах, течет река, даже сейчас вижу... Облака плывут по реке... Откуда-то льется музыка. Проснулся совершенно счастливый, девчонкам рассказываю, они опять удивляются. А перед отъездом я все рассказал махарадже. Он и говорит: «Не воспринимай это как что-то странное, все совершенно естественно. Просто в первый раз тебя приветствовали боги земли, а во второй раз ты слышал музыку из рая, то есть к тебе приходили боги неба. Тебя охраняют. Так что никогда ничего не бойся, что бы ни случилось, не отчаивайся, с тобой все будет о'кей!»

Первое подтверждение его слов не заставило себя ждать. Вечером мы улетели из Индии, и наш самолет попал в грозу. Нас два часа трясло и швыряло во все стороны. В самолете творилось что-то невообразимое, все кричали, сходили с ума от страха, прощались. Я сидел абсолютно спокойный и говорил девчонкам: «Не волнуйтесь, пока я с вами, все будет хорошо». Мы снова при-

землились в Индии и переждали грозу. А потом благополучно вернулись домой. С тех пор я не боюсь самолетов.

— В этом году у вас юбилей, вам исполняется 60 лет, время подводить некоторые итоги... В 40 лет вы пережили серьезный творческий кризис, как вы его оцениваете спустя 20 лет?

— В то время я как бы пересмотрел всю свою жизнь. Я летел в лучах славы и многого не замечал, я не знал, во имя чего я все это делаю. Был совершенно определенный день и час, с которого пошел новый отсчет времени. Я вышел на улицу в полночь, после триумфального показа в Доме кино второго марта, в день своего рождения. Казалось, только что меня носили на руках, и вот я вышел в никуда и не знаю, куда идти. Грязь, слякоть, и я один с авоськами, полными косметики. Я вдруг понял, что я обманываю людей, я показываю красивые коллекции, рассказываю хорошие вещи, а люди вокруг живут другой жизнью, никто никогда даже присутствовать не сможет в моей эстетике. Ведь в промышленность ничего не шло, это был просто парад, блеф, много понтов. И я ушел из официальной моды, с самой ее вершины — в простое ателье, поняв, что лучше пусть я буду полезным всего лишь одному человеку, чем всей многомиллионной стране сразу.

— Как вы считаете, за эти годы вам удалось повлиять на вкус масс? Или ваш оазис красоты так и остался недоступным простому человеку?

— Наверное, в какой-то степени удалось. Поскольку выросла огромная армия художников, моих учеников, которые сегодня являются лидерами российской моды. Это раз. Во-вторых, мое миссионерство: я езжу по всей России с представлением коллекций, с рассказами об основных критериях вкуса, о культуре одежды. Плюс салоны, которые существуют уже 15 лет, где продается одежда моего вкуса. Конечно, это минимум из того, чего я хотел. Но что-то меняется. Сейчас в России абсолютно изменилась среда, особенно в Москве, и человек может позволить себе, имея деньги, купить вещи в дорогих бутиках.

— Откуда вы берете идеи для своих коллекций? Есть какой-то импульс, толчок, ка-

кие-то люди вас вдохновляют, события?

— Я в этом плане немножко странный человек, у меня импульс возникает из ниоткуда. Вдруг я начинаю рисовать и чувствую, что пошел поток. Я рисую и не могу понять, почему я рисую именно так. Это не мое. Потом вдруг на каком-то этапе я вижу, что определилась линия, возникла тема, и я начинаю в нее углубляться. Приходит название: «Соблазн», или «Воспоминания о будущем», или «Чума» — дань нашему времени.

— Какую коллекцию вы покажете в этом году в день своего рождения?

— Она будет называться «Листая памяти страницы». Мне бы хотелось отдать дань памяти людям, которые как бы заодно стали моими учителями: Кристиан Диор, Коко Шанель, Ив Сен-Лоран, Живанши. Моя коллекция не будет копией их работ. Это как бы мое переосмысление времени и имен, такой интересный симбиоз: взгляд на прошлое через спектр современного человека. Моя одежда будет очень элегантной и воздушной, но в то же время очень жизнеспособной и интересной на будущие сезоны. Просто будет очень красивая женщина...

Есть ли в мировой истории женщина, которая вас по-настоящему восхищает?

— Вообще я очень внимателен к тому, что происходит в мире женщин. Они все восхитительны, и выбрать одну — значит себя обокрасть. Что касается личности, в последнее время я увлекся чтением книги «Коко Шанель». Она для меня является загадкой в мире моды. Женщина, которая создала свой стиль, и он столько лет не уходит с пьедестала, которая понимала другую женщину, что очень редко. Она как бы создавала одежду для себя, а потом подарила ее другим. Она знала все женские слабости и сильные стороны и шила такую одежду, которая освобождала от комплексов, придавала уверенность. Она умела быть величественной, понимала, когда нужно быть недоступной, а когда выглядеть легкомысленной. Это очень тонкие вещи.

Но самая восхитительная женщина в ми-

Вячеслав Зайцев.
Фото Валерия Киселева (НГ-фото)

ре — моя мама. Потому что я очень часто к ней мысленно обращаюсь. Она была скромна, проста, очень гармонична. Она научила меня все делать по дому, не бояться никакой работы. Даже сейчас и уборку и стирку — все делаю сам, и это доставляет мне удовольствие. Она научила меня замечать красоту природы, любить. В ее честь мою внучку зовут Марией, и духи «Маруся». Я тоже посвятил маме. Она умерла в день Рождества Христова так же тихо, как и жила. Она мечтала стать актрисой, но после войны, когда отца арестовали, была вынуждена идти в прачку.

— Как вы относитесь к тому, что ваш сын тоже стал модельером?

— Это было очень неожиданно. Он долго об этом даже слушать не хотел, а когда после школы встал вопрос, куда идти учиться, он вдруг пошел в наш текстильный институт. Егор — космическая личность. Недавно я присутствовал на показе его последней коллекции «Радуга» и видел, как люди плакали, растроганные его искренностью. Он очень эмоциональный человек, и в этой коллекции он рассказал о том, что с ним сейчас происходит, о чем болит душа. Я бы очень хотел увидеть в нем своего преемника и передать ему Дом моды.

— А он готов все это принять?

— В том-то и дело, что, мне кажется, нет. Он очень сильный и талантливый человек, он умеет реализовать свои природные способности. Но, к сожалению, он живет, опять-таки не в той стране, как и я. Здесь это не нужно.

— А что бы делали вы, условно говоря, на «пенсии»? Если бы Егор все-таки решил взять дело в свои руки?

— Я бы занялся живописью, графикой, скульптурой, писал бы стихи...